

ИЗ ЦИКЛА «МАМЕ»

1

Жизни прошу, словно хлеба в ладони,
Жизни прошу, запрокинув гортань,
В очи гляжу на безмолвной иконе,
Сердцем играет оглохший звонарь.

Жизни прошу: снего-снежную зиму,
Моря — до неба и лета — до звёзд...
В маленьком домике — струйкою дыма —
Мамину ночь без печали и слёз.

Жизни прошу бесконечно короткой,
Горькой, как мёд из дурманящих трав,
С парусом рваным над утлюю лодкой
Самых безумных земных переправ.

Жизни прошу — колокольного звона,
Жизни прошу, тишину возлюбив...
Жизни — тебе! — прошу снова и снова,
Все свои просьбы одной заслонив.

2

А бабочка уснула между рам,
Не на бочок — на крылышки присела,
И ей теперь нет никакого дела
До нашей подготовки к холодам.

Что снится ей? Какой июльский плёс?
Спи, бабочка-крылатое молчанье,
Забвения страшней непониманье.
Как хорошо, что ты не знаешь слёз.

А бабочка уснула. К холодам.
А мама её дочкой называла...
И до бровей уйдя под одеяло,
Усну. А рядом бабочка — меж рам.

3

Кликну — не услышишь.
Промолчу — не спросишь.
Слова не напишешь.
Даже в снах — уходишь.

Припаду — заплачу.
Травкой слёзы вытрешь.
Не решишь задачу.
За порог не выйдешь...

Позову — услышишь.
Не скажу — узнаешь.
С каждым днём — всё выше
Надо мной летаешь.

4

Под самое утро пригрезилось снова:
над лестницей старой — потеря-подкова;
ступени скрипели и пели качели,
что в сонном саду между сосен висели;
и ранняя птица в заре розовела —
до осени нету ей певчего дела;
в окошке — рассветном, заветном, родимом —
я маму узнала сквозь занавес дыма.

* * *

Я люблю тебя больше
своей руки, своего сердца;
больше весны и зимы;
неба и моря,
даже больше гор и леса.

Я люблю тебя больше
слов и тишины;
музыки и песен;
больше воды и хлеба;
больше воздуха...

Я люблю тебя больше
самой любви;
больше жизни,
больше обещанной вечности...

Я люблю тебя просто,
как мама
любит
сына.

СНЫ О МАРИНЕ

Е.П.

Сны о Марине всё смотрит Елабуга
и переводит Её через мост.
Мост, что построили бездна и радуга
над тем вопросом, что прост и не прост:
«Как бы спасти Тебя, Птица-Печальница,
как уберечь от потерь и невзгод?
Что сотворить, чтоб колечко венчальное
не потерялось в безумный тот год?»
Мост не на сваях — закатами держится,
а на рассвете уходит в туман...
Связью сквозь сны и крепчает, и нежится
вечный покой, что Елабугой дан.

ЭТО Я — ДОЖДЬ!

Это я — дождь!
Не закрывайся от меня зонтом,
не затворяй окно,
не вытирай лицо,
не уходи без меня...

Это я — дождь.
Я ещё не раз обниму тебя за плечи,
уткнусь в твою грудь,
поглажу — нет! — зацелую лицо.
Хотя бы во сне...

Это я — дождь,
не затворяй окно...
Я не буду будить тебя — спи.
Я лишь тихонько
напою песенку,
нашу любимую дождливую песенку,
ту, что знаешь ты,
и никогда не забуду я...
Если ты не спишь,
я ещё не раз
постучу в твоё окно,
оставлю на стекле клинопись,
которую ты так легко расшифруешь,
а ещё — цветы и звёзды —
дети тумана...
А может быть,
негромко, но внятно
постучу в твой дом —
так перестукиваются соседи,
разлучённые лишь одной стеной,
стеной между
обречёнными на одиночество...

Это я — дождь...
Если нам не суждено встретиться,
я приду к твоему холму,
уже припорошенному снегом,
и прожгу в нём
сквозные, как от пуль,
ходы к твоему сердцу,
и разбужу его,
и упрошу биться вновь
в унисон с моим —
я расслышу! —
как слышу твоё дыхание всегда,
когда читаю твои строки,
иду по твоим следам,
иду за тобой,
но — тебе навстречу.

* * *

*...Это действие — нагое, как смерть,
безобразно, как всякая мука.*

Белла Ахмадулина

И вот я прихожу.
Кому дала я слово?
Назначено уже —
мишень к ножу готова.

Кому писала? Вам.
Совсем не так, как должно.
Но — знаю, как хочу:
смертельно, неотложно.

Писала, как могу.
Кому какое дело?
Кому, кому? Зачем?
Мне азбука велела.

И вот я прихожу.
Нагая, если в чёрном.
А если в белом, то —
в спокойствии притворном.

Не названа... Звана ль?
Но вот шаги и шорох.
И падают цветы
на фортепьянный ворот.

И вот я прихожу.
Прилюдно умираю.
Не говорю слова, —
я их во сне читаю:

«Примите мой обол,
Сиятельная Белла.
Простите, что жива.
Простите, что посмела».

* * *

Люби меня, я — только гостя,
а может, птица меж гостей.
Найди меня — легко и просто,
без всяких адресных затей...

Шагни ко мне, как входят в воду,
без промедленья на испуг.
Не отниму твою свободу,
свою же выпущу из рук.

Люби меня — как любят дети
цветные стёкла и бродяг.
Люби меня — как любят ветер,
разжав с пушинкою кулак.

ЯНВАРСКАЯ СИРЕНЬ

Из чужой жизни

Ты пахнешь январской сиренью,
разбуженной рано,
растрёпанной,
розово-бледной,
нездешней и странной...

Ты снишься —
разбуженной рано январской сиренью —
цветков преждевременных гроздьёв
с безлиственной тенью.

Ты всё ещё снишься,
но больно,
но горько,
но странно,
и малость царапины
кажется колотой раной.

Твой запах...
Но где ты?
Сквозняк отворяемой двери,
скрипят половицы в прихожей,
как будто качели.

Ты снишься.
Ты — сон или бред?
Ты — январская притча,
моё одиночество,
ведьма,
моя Беатриче.

Но запах...
Так пахнут твои ледяные запястья —
январской сиренью,
сиренью
на свадебном платье.

Январской сиренью —
твои ледяные запястья —
так в запахе горя
есть запах
сгоревшего счастья.

В ЗИМНЕМ ТРАМБАЕ

Наверное, я замерзаю —
мне снится лесная поляна,
и пахнет февраль земляникой,
и иволга с ветки взлетает.

Простите, что не отвечаю —
вплетаю молчание в лепет,
и будто бы шишкой сосновой
зима моим сердцем играет...

Мелькает бельчонок лиловый,
а иволга, песни слагая,
так ловко, как с ветки на ветку,
порхает по дугам трамваев.

Наверное, я замерзаю —
беспечно катаюсь по кругу,
и пахнет ладонь земляникой
из сонного зимнего рая...

И пахнет ладонь земляникой,
ладонь моя снова пустая.
Всё пахнет ладонь земляникой...
А рядом с тобою — другая.

У ОТЕЛЯ «SOCO»

Поцелуй меня — поцелуешь иней...
Хоть и колкий, но тоже — вода.
Мы коснёмся друг друга носами
и примёрзнем — теперь навсегда.

Мы примёрзнем и встанем под елью:
тень Шишиги, а профиль — Яги,
неделимые, как сновиденье,
под наив новогодней пурги.

Поцелуй меня ветра касаньем:
заморозишь — такая судьба.
Я её не леплю, не слагаю,
не молю, коль напрасна мольба.

Я молюсь за любимых, по ветру
посылая молитвы и сны,
и летят мои белые вести
из зимы до порога весны.

Поцелуй меня — не растает иней.
Я продрогла, тебя не вина...

Бабу снежную дети лепили,
оказалось — слепили меня.

СОНЕТ

...И может быть, в сонете затеряться —
мечта моя... Не ведала о ней.
И всё равно, кем быть, как называться,
среди каких незваной жить теней.

Теней... Людей — бродяг и пилигримов,
чужих-родных; деревьев, птиц и снов;
личин, не различных из-под гримов,
актёрских не усвоивших азов...

Что зеркало? Так пропасть в нас глядится,
и шурится, и не отводит глаз!
Она-то знает: нам не повториться,
и наша встреча — только в этот раз,

в единственный... И поздно нам виниться,
и каяться... Нет бездны прозапас.

ИГРАЕМ ЖИЗНЬ

Играем жизнь. По нотам и вслепую.
Играем жизнь — то нежную, то злую.
И небо рукоплещет (дождь по лужам!),
и ветер «бис» кричит, навек простужен.

Любовь играем — так, что сводит скулы.
На слово верим. И во все посулы.
И путаем слова при расставанье:
«Не уходи!» — и гордость — на закланье.

Играем счастье у огня ночного.
Его ласкаем как орла ручного,
и отпускаем утром безвозвратно,
твердя вослед: «Умру! Вернись обратно!»

Играем смерть — на сцене — в одиночке,
беззубым ртом... В венце? венке? веночке?
Играем смерть — ни встать, ни поклониться.
Захлопнув роль, мы продолжаем сниться...

Играем жизнь... Играем, как умеем.
Любовь играем, ежели посмеем.
Играем счастье, коли удаётся.
И только смерть игре не поддаётся.

